

© 2002 г. Г.А. ЗОЛотова

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ВИДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕКСТА

1. Можно полагать, что это одна из допустимых точек зрения. Но если задаться вопросом с функциональной позиции, зачем языку эти категории (так же, впрочем, как и другие), разумным кажется ответ: для построения текста. Поскольку язык существует для человеческого общения, а общение происходит посредством порожаемых говорящими текстов, устных и письменных, различного социально-речевого назначения, лингвистика приближается к признанию текста основным своим объектом и к пониманию времени и вида как текстовых категорий. Именно видо-временные формы глагола – главное средство организации текста.

Несмотря на обширную литературу, названные категории остаются в этом аспекте недостаточно изученными. Взгляд от текста добавляет существенные аргументы к рассмотрению и собственно грамматических сюжетов.

Суждения автора на эту тему излагались в "Коммуникативной грамматике" [Золотова и др. 1998] и в нескольких статьях недавних лет. Здесь они обобщены и дополнены последующими наблюдениями.

2. За последнее время заметно возрос интерес к проблемам вида и в отечественной, и в зарубежной славистике. Выходят новые исследования, регулярно собирается под руководством краковского профессора Ст. Кароляка европейский коллоквиум "Семантика и структура славянского вида" (Краков – 1995, 1996, 1998; Скопье – 1997; Новгород – 1999; Гамбург – 2001), работал несколько лет аспектологический семинар на филологическом факультете МГУ, за которым последовала представительная Международная конференция 1997 года о типологии вида, как бы подытожившая определенный период в развитии аспектологии.

Однако авторитетный участник конференции шведский профессор Нильс Б. Телин выразил свое впечатление такими словами: "Аспектологи ходят по замкнутому кругу". Нельзя не признать, что сказанные не без горечи эти слова в большой степени справедливы.

В самом деле, общая ориентация определяется постановкой проблемы категории вида в "высшей инстанции": "Глаголы несов. вида образуются от глаголов сов. вида путем суффиксации...; такое образование называется и м п е р ф е к т и в а ц и е й... Глаголы сов. вида образуются от глаголов несов. вида путем префиксации...; такое образование называется п е р ф е к т и в а ц и е й... Соответственно в языке существуют видовые пары, созданные путем имперфективации или перфективации..." [Русская грамматика 1980, I: 585].

Подобный исходный импульс, характерный для большинства грамматических трактовок вида, задает дальнейшее направление работы: скрупулезно описываются все средства "переодевания" перфективных глаголов в имперфективные путем имперфективации и имперфективных в перфективные путем перфективации.

Создается впечатление, что виды глаголов существуют только сами для себя, в каком-то замкнутом аспектологическом мире, что назначение глагола СВ и НСВ – подыскать себе пару, непременно чистую, и производить потомство, суффиксальными, префиксальными и некоторыми другими способами, а забота аспектологов –

отслеживать чистоту каждой пары. Понятно, что если смотреть на виды с той же ступеньки, на которой происходит эта переимперфективация, немного можно узнать о самой категории. Казался бы естественным прежде всего вопрос: а **зачем** это надо глаголам СВ подвергаться имперфективации, а глаголам НСВ – перфективации?

Когда дискутируются значения этой оппозиции, исследовательская мысль продолжает, как волны о берег, биться в поисках окончательного ответа. Каждый очередной критерий СВ (законченность действия, результативность, цельность, предельность) порождает контрпримеры: *Он похудел, побледнел; Ребенок погрел; Забор накренился; Ветер усилился; Недостроили сарай; Перепачкали одежду; Поморозили носы; Закашлялся* – есть ли тут предел, цельность и достижение результата?

О том, что глаголы *слышать, видеть, чувствовать* и в НСВ выражают достижение результата, писали еще В.В. Виноградов [Виноградов 1947] и М.Я. Гловинская [Гловинская 1982]. Ср. также употребление глаголов НСВ при обозначенности предела: *Лучи зари до полночи горят. Как хорошо в моем затворе тесном!* (А. Ахматова).

А.А. Барентсен отметил, что критерий предельности и цельности не позволяет объяснить ряд ситуаций, когда предельное целостное действие выражается формой НСВ (в итеративе, в настоящем историческом, в императиве и др.), а признак целостности фактически не противостоит отсутствию целостности у перфективных глаголов в предложениях типа *Иван потерял ключ* [Типология вида 1998: 48].

В признаке предельности зачастую не разграничиваются два разных явления, лексико-семантической и текстовой природы: аспектуальный признак предельности не всегда проистекает из семантики "предельного" ("телического") глагола, стремящейся к реализации в объекте, а "предельные" глаголы, как и непредельные, могут употребляться в СВ и НСВ в близком смысле: *Вы смотрели (посмотрели) этот фильм? Мы уже обедали (пообедали); Передавайте (передайте) привет вашей семье* и под. (хотя обсуждаются и различные оттенки, предполагающие определенную ситуацию).

П.А. Йенсен писал: "Современные дефиниции перфективного признака (результативность, предельность, точность и др.), как мне кажется, смешивают лексическую субстанцию с формой" [Jensen 1990: 386]. Думается, что словесное, терминологическое решение ("абсолютная" и "относительная", "диффузная" и "неконечная", "нетендентивная" предельность) затруднений не снимает.

Классификационные усилия, интенсивный процесс умножения и деления значений вида, их типов, оттенков, употреблений, "различных разновидностей" и "особых разновидностей типов употребления" [Русская грамматика 1980: 606 и др.], выделяемых исследователями, обнаруживают, как это отмечалось в литературе, отсутствие единых оснований деления, нерасчлененность понятий значения и функции, перенос значений лексического и синтаксического окружения на видо-временные формы глагола.

Более дальновидным исследователям была ясна необходимость расширения наблюдаемого аспектологами речевого пространства. Нельзя было не признать роль мыслящего и говорящего человека, создавшего и отработавшего систему глагольных видов как необходимую часть языкового механизма.

Еще в докладе на IV Международном конгрессе славистов в 1958 г. А. Мазон определил положение дел так: "Реальность морфологического механизма вида, каким он предстает нам в славянских языках в настоящее время, – это наиболее прочное, что есть в неразрешенной до сих пор проблеме..." Но признать только эту реальность – "значило бы отказаться от стремления узнать больше, чем мы знаем сейчас" [Мазон 1958: 55].

А. Мазон высоко оценил исследования Э. Кошмидера, который в конце 20-х – начале 30-х годов пришел к заключению, что времена и виды определяются мыслящим Я субъекта речи, скромно подозревая в этом "что-то вроде теории относительности в языке" [Мазон 1958: 38].

В работах конца 20-х – 30-х годов В.В. Виноградов выдвинул понятие "образа автора", говорящего, наблюдателя и выявил текстовые функции видо-временных форм глагола, которые волею автора организуют пространственно-темпоральный объем текста. Это было блестяще и бесспорно подтверждено анализами художественного мира, субъектных форм литературного времени, их сюжетного чередования в "Пиковой даме" и других повестях Пушкина. В 1947 г. грамматические обобщения результатов этого анализа были включены в книгу "Русский язык" [Виноградов 1936: 1941; 1947; 1980].

Категория вида, тонущая в бесконечном дроблении современных описаний, еще тогда обрела в единении со временем, в четырех основных функциях четкий статус текстовой категории.

Уже во второй половине XX века близкие наблюдения о роли вида в тексте сделали Н.С. Поспелов, Ю.С. Маслов, Б.А. Успенский, А. Богуславский, Дж. Форсайт, Г. Вайнрих, Е.А. Иванчикова, Ж. Вейренк, Ж. Фонтен, С. Чмейркова, Б. Комри, Б.М. Гаспаров, Ж. Дюрэн, Н.Б. Телин, П.А. Йенсен, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, М.А. Шелякин, Е.С. Яковлева, Е.В. Падучева, Й. Крекич и др.

Современный уровень аспектологических дискуссий несомненно стимулирует высказывания, обещающие сдвиг с устоявшихся позиций. На конференции 1997 года звучали перспективные формулировки или предположения, привлекающие внимание к значению контекста для изучения вида, к коммуникативной структуре текста, к таксисному, секвентному характеру текстовых связей, к роли говорящего, к роли изменения перцептивной позиции (см.: А.А. Барентсен, Н.Б. Телин, А. Тимберлейк, В. Брой, В. Бенины, А.Д. Кошелев, С. Кароляк, К. Ласорса-Сьедина, К.С. Смит и др. [Типология вида 1998]).

3. К фигуре говорящего лица традиционная грамматика обращалась, трактуя категорию времени. Момент речи говорящего принимается за точку отсчета, означающую настоящее время, относительно которого определяются прошедшее и будущее. Но морфологический механизм образования темпоральных форм глагола не служит обоснованию их многообразного речевого употребления. Упрощенная схема времен, как и схема видов, обрастала дополнительными понятиями значений и оттенков, употреблений, транспонирований и под., не приобретая ни стройности, ни объяснительной силы.

Высказывались следующие, например, сомнения:

а. Если признавать настоящее актуальное, расширенное, постоянное, гномическое, историческое, вневременное – не слишком ли широкими оказываются рамки "момента"?

б. Если речь (допустим, телефонная) прерывает действие, совершаемое говорящим "сейчас" [*–А что ты делаешь? – Читаю (стираю, слушаю музыку, готовлю ужин)*], получается, что настоящее время используется для обозначения действия, совершаемого "до" и "после" "момента речи"?

в. В текстах, представляющих события, имевшие место "до" момента рассказа о них, нередко фигурируют все три времени, даже в одном эпизоде (на одном и том же расстоянии от "момента речи"), например:

Упала в снег; медведь проворно Ее хватает и несет; Она бесчувственно-покорна, Не шевельнется, не дохнет (Пушкин. Евг. Онегин);

Вынул Петья часы ... Крышку открыл ... В черном кружочке секунды бегают. А часы и минуты идут незаметно: смотришь – на месте стоят; отвернешься – подвинулись (Л. Пантелеев. Часы);

г. Квалификация времени действия как настоящего исторического в повествовании о прошлом вызывает вопрос: почему это действие более историческое, чем другое, соседнее, например, действия медведя по сравнению с действиями Татьяны? Или действие старика в строке *Вот идет он к синему морю* сравнительно с его же действием *Вот пошел он к синему морю* (Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке)?

Очевидно, что членение временного континуума с помощью фиксированной точки отсчета, как в однолинейной морфологической парадигме *писал – пишу – буду писать*, не соответствует возможностям оперирования формами глагольного времени в реальной речи.

Еще А.В. Исаченко предостерегал: «...величайшей опасностью для всякого языковеда является своеобразный "номинализм". Из того, что форма типа *он бросает* традиционно н а з ы в а е т с я "настоящим временем", нельзя еще делать заключения, что эта форма действительно о б о з н а ч а е т "настоящее время"» [Исаченко 1960, II: 462].

Выясняется необходимость дифференциации самого понятия 'время', "понятия большой степени общности и абстрактности, одного из базовых понятий науки, философии и культуры" [Степанов 1997: 171].

Современная, постлейбнистская научная методология считает условием исследования объекта относительность системы отсчета; ср. [Барт 1989: 414].

Между говорящим лицом, созданным им текстом и отображенным в тексте миром возникает в объемном темпоральном пространстве текста соотношение трех временных планов:

T_1 – время в мире, существующее вне текста, это объективная, физическая, природная категория. Осознание ее, упорядочивание времени человеком – категория гносеологически-когнитивная, рождающая хронологию. Физическое время, по современным научным представлениям, однолинейно и необратимо, непрерывно и неподвластно человеку. Для некоторых текстов значима дата, содержание текста может вписываться в какой-то отрезок времени T_1 , но это не обязательный признак текста.

Непременным условием построения текста является единое событийное время T_2 – релятивная, таксисная связь всех предикатов текста в смысле одновременности или последовательности, предшествования или следования. T_2 – время в тексте – категория креативная, творимая говорящим, оно неоднаправленно, обратимо, дискретно, многолинейно, подвластно субъекту говорящему. При этом креативность понимается не только как плод воображения автора, творящего свой художественный мир, но и как принятый говорящим порядок изложения реальных событий – будь это репортаж, бытовой рассказ очевидца о случившемся, даже разные способы темпорального и причинно-следственного связывания частей текста в стандартизованном деловом документе. При всем многообразии форм и значений текстов порядок таксисных связей событий подчинен воле автора, его перцептивному движению T_3 относительно событий, сенсорному или ментальному представлению содержания.

T_3 – время перцептивное, это пространственно-темпоральная позиция говорящего или перцептора, его перемещающийся "наблюдательный пункт".

В его власти – оказаться в хронотопе происходящего, либо передвинуться по горизонтали в прошедшее или будущее по отношению к происходящему, либо подняться по вертикали над конкретным событием на ступень его узального суммирования или всевременного обобщения. В его воле – темп движения времени, замедленность его течения или убыстренность (обычно – в субъективном восприятии перцептора-персонажа), насыщенность переживаемым или пустота (*Год прошел как сон пустой* – Пушкин).

Выбор форм глагольного времени в художественном (или "нарративном") тексте значительно чаще ориентирован не на "момент речи", а на соотношение планов T_2 и T_3 .

Остается возможность выделить и T_4 – время читателя, слушателя, реакции которого вовлекаются в текст некоторыми авторами, но вернее думать, что роль этого времени целиком программируется автором в пределах T_3 . Если не иметь в виду чисто оценочное отношение, как его выразил, например, Генри Д. Торо: "Рассказ может быть длинным, главное, чтобы время, потраченное на чтение, показалось коротким". Но это время уже за пределами текста.

Парадоксальная, казалось бы, противоречивость суждений мыслителей, писателей о времени объяснима именно тем, что речь идет о разных планах времени. Ср., например: "Все, о Люциллий, не наше, а чужое, только время наша собственность" (Сенека); "Из всех вещей время всего менее принадлежит нам" (Ж. Бюффон). Понятно, что Бюффон говорит о временном плане T_1 , а Сенека – о $T_{2,3}$, о событийном времени каждой человеческой жизни. Ведь и в человеческой жизни есть неумолимый ход часовой стрелки, отсчитывающей T_1 , но в событийном времени, в осмыслении его, в памяти о нем неравномерны, значимы или незаметны, его отрезки. Сенека в дальнейшем и сам поясняет это: "Жизнь – долга, если она полна. Будем измерять ее поступками, а не временем" (Сенека).

Понятно, что "...время мира, как обычно, шло вдалеке вослед солнцу" (Платонов) – это о T_1 ; а "Счастливые часов не наблюдают" (Грибоедов) – это о соотношении T_1 и T_3 .

В тексте логика **развития** сюжета диктует последовательную сменяемость действий и положений. Логика **представления** сюжета, с возвратами в текстовое прошлое и пред-знанием будущего, определяется тактикой рассказчика. Сосуществование лиц, предметов, состояний, признаков, смена точек зрения создает объемный образ мира.

Сложные соотношения и связи явлений и вместе с тем ощущение динамики, развития потока событий и структурируются прежде всего видо-временными ресурсами глаголов.

4. Проблема соотношения событий в тексте ведет к вопросу о так называемом **таксисе**. Относительные, релятивные, таксисные значения временных форм глагола изучались, главным образом, в рамках сложного предложения или простого, осложненного деепричастным оборотом.

Само противопоставление "абсолютного" и "относительного" времени не следует переоценивать. Время вообще – релятивная, таксисная категория, любой отрезок времени определяется по отношению к другому отрезку времени, событию, действию: земные циклические периоды соотносятся с астрономическим временем, исторические события – с условным календарным, житейские происшествия – с отрезками бытового времени. О таксисной природе времени писал еще М. Гюйо: "Время – совокупность отношений, которые опыт устанавливает между явлениями" (русск. перевод 1899 г. – цит. по [Степанов 1997: 176]).

"Момент речи" – одна из точек отсчета, тоже релятивная. Момент речи – это время речевого **действия** в ряду других **действий**. Соотнося высказываемое с актом говорения, оно осуществляет связь диктума с модусом. А отношение к действительности, может быть, скорее выражают диктумные действия, события, признаки по отношению друг к другу в диктумном плане.

Естественно, что каждый предикат в тексте вступает в релятивные связи с соседними предикатами – любого морфологического оформления – не только по линии времени, но и по линии лица и модальности. Разве может быть неважно для связности текста, одному или разным субъектам приписываются одновременные или разновременные действия либо другие предикативные признаки? Реальные это действия или предполагаемые? Все три грамматико-семантические категории, реализующие предикативную сущность предложения – время, модальность, лицо – обнаруживают либо общность, либо различие своих показателей с теми же категориями соседствующих предикатов. Между всеми соседними предикатами, и простых предложений и полипредикативных, в тексте возникают таксисные отношения – монотемпоральные либо политемпоральные, моносубъектные либо полисубъектные, мономодальные либо полимодальные. В этом условии и единства текста и движения смысла в нем [Золотова 1995; 2001], организуемого и направляемого взаимодействием диктумного плана с модусным (вербализованным или невербализованным), при опоре, в основном, на видо-временные возможности глаголов.

Когда один автор определяет феномент НСВ "как нечто само по себе, без отношения к чему-либо еще...", а другой видит различие между видами в том, что "форма СВ ориентирована только на одну ситуацию – Р₁... и ничего не сообщает о предшествующей ей ситуации", такой подход дает противоположные результаты потому, что извлекает видовые формы из естественной речевой среды, лишая их текстовой функции, в которой они и реализуют присущие им свойства. Как для человека нормально жить в обществе себе подобных, в окружении людей, так каждое действие, событие – звено сложной цепи, и каждое предложение не живет в изоляции (разве только мелом на доске, как пример, как имитация речи); оно произносится, пишется для того, чтобы вступить в связи с себе подобными, то есть в текст, устно-бытовой, деловой, научный, художественный, – любой, чтобы тем самым и дать людям возможность жить в обществе.

Лингвисты иногда неосмотрительно переносят свойство однонаправленности и необратимости физического времени на грамматическое время, см., например [Семантика славянского вида 1995, I: 38, 83]. Если бы такое мнение было верным, люди были бы обречены на беспмятность. Само понятие момента речи (или любой другой точки отсчета) предполагает разнонаправленность движения от этой точки.

Язык, письменность, литература (не без участия в славянских языках развитой грамматической видо-временной системы) хранит память о тысячелетиях, составляющих пространство нашего духовного бытия. Память и воображение, власть искусства позволяют нам, перемещаясь в любой из протекших веков, ощутить себя современниками далеких событий. Книга – наша машина времени.

"Литература предназначена для задержания времени в его всеуничтожающем беге. Это она запечатлевает в вечном настоящем все, что когда-либо происходило" (Ян Парандовский).

В.Н. Топоров видит в текстах "устройство, с помощью которого совершается пресуществление материальной реальности в духовные ценности".

"...Продленный призрак бытия синее за чертой страницы..." (Вл. Набоков).

Итак, текст – продукт устной и письменной речевой деятельности человека. основная форма существования языка, хранения и передачи культуры, знания и незнания.

Текст и становится главным источником исследования языка, осмысления его грамматических форм, категорий в воплощенных их значениях, возможностях, условиях и назначении. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неразделимое единство времени и пространства (ср. [Jensen 1990: 386]), моделируя тот физический, социальный и ментальный мир – хронотоп, в котором реализуются и окружение и кругозор воспринимающего человека (по М. Бахтину).

В идеях В.В. Виноградова и в его проникновенных анализах текстов во второй четверти XX века и заложены основы учения о текстовой структуре.

5. Вслед за В.В. Виноградовым различаем текстовые функции видо-временных форм глагола, которые служат средствами темпоральной организации текстовой структуры и – вместе с тем – инструментом его композиционно-синтаксического анализа.

Внутри СВ различаются динамический **аористив** и результативный **перфектив**.

Аористивные глаголы активного действия, последовательно сменяя друг друга, двигают развитие сюжета: *В ворота вошла она..., Поднялась на крыльцо И взялась за кольцо* (Пушкин); *Чертопханов... ринулся в конюшню, поднял фонарь над головой, оглянулся* (Тургенев).

Перфективные глаголы включают в событийное время констатируемые перцептором происшедшие изменения: *Прошли года чредою незаметной, И как они переменили нас!* (Пушкин); *Твой след под дождем у колодца Расплылся, налился водой* (Бунин); *Замело тебя снегом, Россия, Запуржило седою пургой* (Ф. Чернов).

Внутри НСВ разграничены **имперфектив процессуальный и узואльно-характеризующий**.

Процессуальные глаголы представляют действие или состояние в их протяженной длительности: *По дебрям гнался Лев за Серной* (Крылов); *А грачи так безумно кричали. И так яростно ветлы шумели* (Н. Заболоцкий).

Узואльно-характеризующие описывают вне конкретной временной локализованности постоянные признаки, действия, состояния как обычные занятия, умения, свойства, отношения: *Хоть я и гнусь, но не ломаюсь* (Крылов); *Старый музыкант любил играть у подножья памятника Пушкину* (А. Платонов); *Большой кабинет во втором этаже театра двумя окнами выходил на Садовую, а одним – в летний сад Варьете, где помещались прохладительные буфеты, тир и открытая эстрада* (М. Булгаков).

Можно видеть пятую функцию, менее характерную для художественных текстов, в глаголах так называемого общефактического значения, которое нейтрализует оппозицию СВ/НСВ, передавая информацию собственно об имевшем место факте: *Она любила Ричардсона Не потому, чтобы прочла* (Пушкин); *Зато читал Адама Смита* (Пушкин). Ж. Дюрен не без оснований приравнивает общефактическое значение к перфективному.

6. Нельзя не отметить объективные трудности, связанные с терминологией. **Перфект, перфектив** как наименование форм глагольного времени в древнерусском языке и интернациональное обозначение сов. вида сталкиваются с названием одной из двух его функций – перфектива и аористива, что нередко мешает взаимопониманию специалистов.

При повысившемся внимании к семантике глагола возникает необходимость в уточнении и термина **результативность**.

Он адекватно называет констатируемое состояние лица, предмета, среды как результат предшествующего действия. (Ср. у С.И. Ожегова: Результат – то, что получено в завершение какой-н. деятельности, работы, итог [Словарь Ожегова 1992]). Адекватно – если имело место действие, целенаправленное, осознанное субъектом, устремленным к этому результату и достигшим его: *вылечил больного, починил машину, прихлопнул комара, оформил документы, защитил диплом, убрал в комнате и т.п.* – тогда результат предстает как следствие очевидных намерений субъекта. Но перфектив может именовать не собственно действия, а его оценки, интерпретации либо субъектом действия, либо другим лицом, говорящим (*потерял кошелек, провалился на экзамене, опоздал на лекцию, порезался, обознался, ошибся номером...*). Ср. [Богуславский 1963; Гловинская 1989: 113; Апресян и др. 1997: XX]. В подобных случаях "достигнутая цель" не предусматривалась. Перфектив здесь определяет итоговое положение дел, не вытекавшее из намерений субъекта, но осознанное субъектом.

Если человек *споткнулся, заболел, оглох*, если *сирень расцвела*, а за окном *стемнело* – перед нами глаголы в перфективной функции, которой говорящий фиксирует изменение состояния, не предполагавшего "достижения поставленной цели". И уж совсем несообразно звучит формулировка видового значения *вздрыгнул* как "моментальное достижение результата". Нет ни цели, ни достигнутого результата у стихийного каузатора перфективных событий: *Молния зажгла сарай* (или *Молнией зажгло сарай*); *Лодку унесло*; *Дорогу замело* и т.п. Разграничение результатива и статива в причастных предикатах (*Окно открыто грабителями* и *Окно открыто весь день*; ср. у Ю.С. Маслова: перфект стательный *Письмо написано карандашом* и перфект акциональный *Письмо написано вчера* [Маслов 1984: 33]) не связано с различием действия и состояния в семантике глаголов и не покрывает всех случаев. Трудно найти термин, который отличал бы результативный перфектив, соотносимый с целеполаганием, от перфектива инволютивного, не зависящего от воли субъекта.

Пословицы насмешливо фиксируют этот незапрограммированный результат соотносением имперфективной и перфективной функций глагола: *Метил в ворону, а попал в корову; Ел бы пирог, да в печи сжег; Ни то, ни се клевало, да сорвалось* и др. под.

Отмечен употребительный в текстах выразительный композиционно-сюжетный прием столкновения аористивного действия с не предвиденным его субъектом инволютивным результатом как неизбежной и поучительной развязкой [Золотова 1998: 458]: *Тут в Океан мои затейницы прыгнули И – утонули* (Крылов); *И лапу протянул к ягненку также он. Ан вышло с Волком худо: Он сам ко Льву попал на блюдо* (Крылов).

Можно попытаться понять "результат" и расширительно, если исходить из того, что все в мире детерминировано причинными связями. Если речь идет не об активных, намеренных действиях, а, допустим, о состояниях природы (*Снег растаял и ушел; Заря догорела; Пруд давно зарос; Яблоня зацвела; Река обмелела; Луна зашла за облако*, а также *Молнией зажгло сарай; Дорогу замело* и т.п.), можно и в этих явлениях видеть следствие природных процессов.

Можно полагать результатом рассеянности, неосмотрительности человека то, что он *зацепился за гвоздь, ушибся, заблудился, потерял документ, опоздал на поезд, вместо шапки на ходу надел сковороду* и подобные непредусмотренные происшествия.

Но если все такие случаи трактовать как результат, останется ли у нас право считать результативность признаком СВ? Ведь *снег тает и растаял, за окном темнеет и стемнело* – результат действия тех же сил; *потерял паспорт и три раза уже терял паспорт, опоздал на поезд и постоянно опаздывает* – объяснимо как результат тех же особенностей натуры субъекта. Вряд ли расширительная версия плодотворна.

И все-таки результативность неизменно присутствует в СВ, только разная: в акциональных глаголах, связанных с целеполаганием, результат действия принадлежит **диктумному** плану, в глаголах неакциональных – это не результат с точки зрения субъекта признака, но результат восприятия, осознания наблюдателем, результат его **модусного** плана, он – в моменте фиксации замеченных изменений, при этом констатируемая мера изменений (*темнеет* или *стемнело, поумнел* или *поглупел*) достаточно субъективна.

7. Итак, внимание к смыслу термина позволяет отчетливее увидеть, что названные текстовые функции глагольных форм обязаны своим различием как взаимодействию времени и вида, так и семантике глагола.

Акциональные, динамические глагольные значения участвуют в повествовательных, статических – в описательных фрагментах текста. Единичность, наблюдаемость, локализованность событий во времени предполагают соприсутствие говорящего (наблюдателя, перцептора) и сенсорное восприятие; напротив, нелокализованность, суммированность либо узуальность предполагают дистанцированность его, связь использования категории вида с проблемой "представленной мысли", "представленного сознания" [Jensen 1990: 385].

Комплекс этих признаков стал основанием для выявления коммуникативных типов, или **регистров** речи как моделей разных способов восприятия и представления действительности. Коммуникативные регистры в конкретной реализации и служат конститутивными единицами любого текста [Золотова 1982; 1998]. Это было возможное решение задачи, поставленной В.В. Виноградовым еще в 1930 году, – поиска специфических "речевых единиц как типов, однородных форм словесной композиции, подлежащих систематизации" и приемов их объединений в композиции текстов [Виноградов 1980: 70–71 и др.].

Разграничены пять коммуникативных регистров речи со следующими функциями:

Репродуктивный регистр – сообщает о наблюдаемом, с подрегистрами повествовательным и описательным.

Информативный – сообщает об известном говорящему, об осмысляемом, интерпретируемом, с теми же подрегистрами.

Генеритивный – обобщает знание, мнение, вывод за пределы текстового времени.

Волюнтивный – побуждает адресата к действию.

Реактивный – выражает оценочную реакцию на речевую ситуацию.

Противостоящие сообщениям два последних регистра, выражая в основном диалогические коммуникативные интенции, в темпоральном отношении, в связи со сменой субъекта речи, являют как бы текст в тексте.

Реализуемые в конкретных фрагментах текстов, или *композициях*, различными комбинациями и чередованиями регистры, выступая носителями текстового времени, и формируют композицию текста. И художественные тексты (*works of fiction*) с их виртуальной ориентацией глагольного времени, и обиходный разговор, и научно-деловой, и газетный – все виды текстов обнаруживают в разных, разумеется, пропорциях и соотношениях регистровую структуру и таксисные связи. подобно тому, как в любом русском тексте неизбежны шесть падежей с соответствующими синтаксическими функциями. Объем регистровых фрагментов в каждом случае различный. Но поскольку предикат является носителем текстового времени, минимальная регистровая единица может соответствовать предикативной (и даже "полупредикативной") единице, если она не входит в состав более крупного, регистрово однородного объединения. Интересно, что близкий результат дает изучение текстового материала даже при совсем иных задачах. А.А. Зализняк, исследуя тексты новгородских берестяных грамот, писанные, естественно, до кодификации пунктуации, выделил синтаксические единицы текстов, обозначенные им как "смысловые ходы": "Простой смысловой ход есть часть совокупного смысла текста: который ... соответствует одной предикативной синтагме" [Зализняк 1987: 160].

Таким образом, разработанная В.В. Виноградовым система основных коммуникативно-значимых видо-временных функций, породившая идею конститутивных единиц речи, подвела лингвистическую базу под более аргументированные исследования и речевых жанров, и художественных текстов, и так называемых функциональных стилей, возбуждая вместе с тем и новые проблемы.

8. Поднимался вопрос о распределении ролей в тандеме время – вид. Поставленный самой историей языка, совместившей две категории в одной форме слова, потеснив в русской грамматике, в славянских грамматиках систему времен в пользу вида, вопрос этот не вызывал колебаний у А. Мазона, на IV Международном конгрессе славистов высказавшегося определенно: "Современная морфологическая система соединяет в своем выражении значения времени и вида, но в употреблении форм вид играет главенствующую роль" [Мазон 1958: 38]. Не все разделяли такую позицию.

Позже ее решительно отстаивает Н.Б. Телин: "Центральную роль в организации темпоральной перспективы дискурса играет вид" [Thelin 1990: 77]. Развивая эту мысль, он пишет: "Идентичным событиям разными наблюдателями / говорящими могут быть приписаны разные темпоральные перспективы как в аспектуальном, так и во временном (*tense*) отношении. Более того, временная перспектива обнаруживает зависимость от аспектуальности" [Thelin 2002].

Убедительно подтверждают это мнение о главенствующей роли вида дальнейшие наблюдения над текстовыми функциями глагола. Выводы В.В. Виноградова о функциях глагольных форм на -л, вытекавшие из естественного преобладания этих форм в Пушкинских повестях, стимулировали интерес и к другим глагольным формам. Оказалось, что те же текстовые функции могут выполняться и формами другого времени.

Ср. прош. и буд. время в функции перфектива: *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, от тебя, серый волк, и подавно уйду* (сказка "Колобок"). *Я памятник себе воздвиг нерукотворный. К нему не зарастет народная тропа* (Пушкин). *И как нашел я друга в поколение, Читателя найду в потомстве я* (Баратынский); – *Пропал я, – подумал Василий Андреич, – потеряю и след, и лошади не догоню* (Л. Толстой).

Вот будущее время в аористивной функции: *Давай мне мысль, какую хочешь. Ее с конца я завострю. Летучей рифмой оперю, Вложу на тетиву тугую, Послушный лук согну в дугу. А там пошлю наудалую, И горе нашему врагу!* (Пушкин).

Как ни удивительно, но настоящее время, не имеющее СВ, в силу семантики и текстовых условий, способно функционировать и как (а) аористив и как (б) перфектив:

(а). *В руки он ее берет И на свет из тьмы несет И, беседа приятно, в путь пускаются* обратно (Пушкин); *Петушок кричит* опять, *Царь скликает* третью рать *И ведет* ее к востоку (Пушкин);

(б). *Летят за днями дни. И каждый час уносит Частичку бытия* (Пушкин); *Пелагея Сергеевна слушает* звон, но никаких царей-государей *не вспоминает*, ничего *не вспоминает* она. – вся ее память закрыта, все воспоминания погашены (А. Ремизов); *Так вдруг сметает* буря ветхий дом *И* только чисто поле *остается* (И. Бродский).

Этот факт – употребление презенсных форм НСВ в качестве СВ – отмечался в литературе, его подвели под понятие "нейтрализации видов". Но нейтрализации здесь не происходит, глаголы несом. вида выполняют функции, свойственные сов. виду. Это отчетливо проявляется, когда "нейтрализацией" играют как средством языковой шутки. Так, в Московском Пен-клубе один писатель говорит о другом: "Он все это время жил за границей. Но теперь приезжает. Время от времени". Спровоцированное точкой (интонацией конца фразы) восприятие сообщения в перфективном смысле ('решил вернуться') сменяется иронией по отношению к итеративно-туристическим наездам субъекта.

Для перфективной функции вообще, а при несом. виде особенно, характерно соединение инволютивной результативности с текстовой итеративностью: *И с каждой осенью Я расцветая вновь* (Пушкин) (ср. наблюдения в [Поспелов 1990]).

Вот еще пример такой итеративности в глаголах с перфективной функцией в изъявительном и сослагательном наклонении: *Из страха, как бы ее не рассчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду* (Чехов).

«Даже когда мы говорим: "Его постоянно преследует рок" – и тут, если вдуматься, это преследование представляет собою не непрерывную линию, а ряд отдельных ударов, отдельных подножек, подбивающих человека..."» [Гаспаров М. 1994: 219]. Это рассуждение М.Л. Гаспарова о природе рока поясняет и связь перфективности с итеративностью.

В современной речи презенсный перфектив активизировался в сообщениях о спортивных результатах. *На очко отстает "Милан"*; *Американский теннисист занимает* вторую строчку; *Лидирует "Спартак"*; *"Феникс" проигрывает* на своем льду. Кроме того, хозяева *проиграли* еще три встречи (из "Спортивных новостей". Радио 1998–2000). В жанре спортивного репортажа с места события презенс, напротив, функционирует обычно как имперфектив процессуальный либо как аористив: *Игрок ведет мяч, пассует, набирает скорость, передает его другому; судья объявляет штрафной удар и т.п.*

Разумеется, имперфективные функции обычны для форм и настоящего и будущего времени НСВ. Но текстовые функции глагольных форм выражены и в безглагольных предложениях; см., например:

Тут бедный Фока мой... Схватя в охапку Кушак и шапку, Скорей без памяти домой (аористив) *И с той поры к Демьяну ни ногой* (перфектив) – (Крылов); *Тут рыцарь прыг в седло и бросил повод* (аористив) – (Крылов); *Пустился конь со всех четырех ног На славу ... Левей, левей* (аористив), *и с возом – бух в канаву!* (перфектив) – (Крылов); *Сапожком – робким и кротким За плащом – следом и следом* (имперфектив) – (М. Цветаева).

В фольклорной прибаутке обыгрывается не только соотношенность глагольности и безглагольности, приставок и предлогов, но также соотношенность аористивов и перфективов: *Я влез, и он в лес, Я завяз, и он за вяз* (В. Даль).

Далее материал показывает, что те же функции сохраняются и в отглагольных образованиях – не только в причастиях и деепричастиях, но и в существительных – девербативах:

А о р и с т и в: *Вдруг выстрел. Старец обратился* (Пушкин); *По крыльцу шаги ... Шаги в сенцах... Шаги у самой двери* (Шолохов); *Но вот рывок* обратно – *И к новой жертве* (Бродский).

П е р ф е к т и в: *Вы улыбнетесь – мне отрада. Вы отвернетесь – мне тоска* (Пушкин); *У Гаганова опять промах* (Достоевский); *У него, как оказалось, вывих* (Шолохов).

И м п е р ф е к т и в: *В народе смятение, крики, рыдания* (Достоевский); *Что ни день, то метель* (Пастернак); *Целый день, с раннего утра – грохот по бульвару* (Гиляровский).

Возможность выражения таксисного перфектного значения неглагольными средствами отмечалась (без конкретизации примерами) в статье [Телин 1988: 247] и др. работах.

Напомним, что каждый девербатив в предложении, в тексте, будучи "полупредикативной" единицей, является носителем таксисного времени (так же как модальности и лица) и – соответственно – композиционно-синтаксической функции.

Обобщая названные грамматические неожиданности, коммуникативная концепция предлагает следующее объяснение их:

1. Текстовые, композиционно-синтаксические функции – это свойство не только глагольных форм, но всех **предикатов**, различной структуры, реализующих эти функции через соответствующий коммуникативный регистр в построении текста.

2. Выражение текстовых функций предикатами разной грамматической природы свидетельствует о **полевой структуре** этого звена системы – с грамматикализованными средствами (видо-временными формами глаголов в их основных текстовых функциях) в центре и всеми прочими – на периферии [Золотова 1998]. В соотношении этих средств, в выборе их проявляется взаимодействие грамматики и лексики, его компенсационные закономерности (см. [Виноградов 1947; Трубачев 1976; 1998]).

3. Широта технических возможностей материализации текстового времени в русском языке – с одной стороны, наличие адекватных межязыковых переводов, сохраняющих композиционно-темпоральную структуру оригинала – с другой, подтверждают гипотезу об **универсальном** характере основных композиционно-синтаксических функций предиката и коммуникативных регистров речи, тем или иным способом оформленных в разных языках.

9. Сложившиеся грамматические представления естественным образом направлялись движением лингвистических интересов последнего столетия от низших уровней языка к высшим.

Поэтому проблемы аспектуальные, темпоральные и прочие воспринимались от выстроенных знанием морфологических систем форм, парадигм слова. На пути

к осмыслению высказывания, текста как лингвистических объектов формулировалось наличие "двух проекций: на языковую систему и на речевое произведение" [Аспектуальные и темпоральные значения... 1983: 11]. Сочинительный союз и не означает здесь даже однородных, рядоположных отношений, поскольку выдвигается условие: лишь на базе традиционного анализа грамматических форм слова как морфологических категорий возможен "дополнительный тип функционального анализа" [Там же: 14]. "Функциональность" анализа проявляется в именовании грамматических категорий функционально-семантическими полями, а позже еще и категориальными ситуациями. Категориальная ситуация в свою очередь оказывается корзиной, в которую рачительно ссыпаны все известные грамматические понятия (аспектуальность, темпоральность, модальность, персональность, залоговость, количественность, качественность, определенность, таксисность, бытийность, поссессивность, компаративность, локативность, причинность, предикативность, кондициональность и др.), вокруг которых еще "группируются средства иных уровней..." [Там же: 16–18].

Естественно, что такой системе, неподвижно аккумулировавшей представления очень уважаемых ученых-предшественников, недостает объяснительной силы и собственно системности. Важно ведь не просто признавать "две проекции: языковой системы и речевого произведения" (в других вариантах: язык и речь, система и текст, две ипостаси, даже "две формы существования" языка), но и выявить их соотношение.

Речь, текст – не "вторичный феномен". Реально есть одна форма существования языка – в речи, в речевых произведениях, в процессе коммуникации, в тексте. "В действительности язык не что иное как устные и письменные тексты, то есть попросту все, что говорится и пишется" [Mańczak 1970: 6]. Утверждение *Nihil est grammatica, quod non fuerit in dicto* Л.В. Щерба поставил эпиграфом к своей знаменитой статье [Щерба 1974: 24]. То, что называем языковой системой, – это попытка человеческого сознания выработать представление об устройстве реального языка, это виртуальный, исторически изменчивый и неизменно несовершенный образ языка. Вера части лингвистов и педагогов в истинность и неизбежность сегодняшних и вчерашних научных постулатов не способствует ни развитию исследований, ни подготовке любознательной смены. К сожалению, традиционно-грамматическая база, на которой вырастают лингвисты разной специализации, ограничивает свободу мысли и в других областях. Не уместно ли вспомнить слова Монтеня: "Основа большинства смут в мире – грамматическая", хотя их автор имел в виду мир более широкий.

Надо полагать, что "две проекции" соотносятся как **первичная** – язык в речи, в тексте, и **вторичная** – язык в головах лингвистов, в научных системах. Можно видеть между ними причинно-следственные отношения: вторичная существует постольку, поскольку существует первичная. (У говорящих – нелингвистов естественно, по мере развития речевых способностей в языковой среде, складывается более или менее интуитивное осознание системных закономерностей языка.) И справедливее считать функционирование языка – не "дополнительным типом анализа" к анализу грамматических форм, но основным объектом изучения реальной сущности, а грамматические формы – одним из компонентов анализа. Грамматические формы – ведь только средства оформления значимых и функционирующих в построении текста языковых единиц, поэтому **идентифицирующим признаком любой единицы является триединство формы (морфологической), значения (категориально-семантического) и функции (коммуникативно-синтаксической).**

Именно предназначенность к тому или иному способу функционирования в тексте, текстовое назначение, и может служить ориентиром и критерием в грамматических квалификациях и классификациях.

Опытный аспектолог признает с сожалением, что "сталкивается с ситуацией неопределенности: языковые средства недостаточны, чтобы понять..." [Аспектуальные и темпоральные значения... 1983: 54].

Если же работать не с препаратами, а с живыми текстами, то "недостаток языковых средств" и восполняется информацией, предоставляемой исследователю контекстом, тем коммуникативным типом текста, в котором форма реализует свои возможности. Так, в примерах *Он медленно одевается*, *Больная причесывается с трудом* цитируемый автор видит "обычное, повторяющееся действие в его протекании", а в примере *Она причесывается со вкусом* – значение "только результата действия", причем обычного, повторяющегося. Но в контексте, допустим: *Врач видит, как больная медленно одевается, причесывается с трудом или: Муж нервничает, нетерпеливо поглядывая на часы. Она причесывается со вкусом, не торопясь, примеряет украшения...* – те же предложения, те же глагольные формы выражают не узусное, а актуальное действие, протекающее на глазах наблюдателя.

Обстоятельства *медленно, с трудом, не торопясь, со вкусом* сами по себе не служат маркерами, они могут характеризовать и узусное действие в информативном регистре, и актуальное в репродуктивном (понятно, что *со вкусом* может иметь значение 'испытывая удовольствие от своего действия'). Оценочные же характеристики выводят сообщение из репродуктивного регистра, потому что оценка – обобщающе-ментальное явление. И понятие оценки не равно понятию результата, к которому стремится действующий субъект (ср. *Он одевается со вкусом* и *Он одевается безвкусно*), оценка выражает мнение другого, других субъектов, даже если совпадает с самооценкой. Не выражая сама результата, оценка тяготеет к словоформе с грамматическим значением результата (ср.: *одет, причесан по моде, красиво, со вкусом*, но не: *одет, причесан медленно*).

Неизбежный вопрос о пределах нужного окружения решается, как показано выше, разграничением коммуникативных регистров речи: регистровые признаки либо заложены в семантике слова, либо обнаруживаются в таксисных отношениях соседствующих предикатов и референтных характеристиках предметов, обусловленных позицией говорящего.

10. Итак, в методологической триаде "значение" (что выражено?), "форма" (чем выражено?) и "функция" (зачем?), обоснованной в прежних работах [Золотова 1973; 2001], уточнены с проекцией на категории вида и времени понятия второго и третьего компонентов: **функция** – композиционно-синтаксическая роль видо-временной формы глагольного предиката в организации текстового времени; фиксированные видо-временные формы глагольного предиката – центральные **формы** выражения этой роли, среди прочих, периферийных средств, глагольных и неглагольных.

Остается внести необходимые уточнения в понятие 'значение'. Это приблизит нас и к ответу на вопрос, поставленный в начале статьи. На уровне лексики, в лексикографии мы ищем индивидуально-неповторимое значение слова. На уровне грамматики, в синтаксисе предложения и текста мы выявляем категориальное значение групп, подклассов слов (что в свою очередь может способствовать и систематизации словарных их определений). Выше рассматривалась релевантность с точки зрения видо-временных проблем размежевания акциональных глаголов (действия) и неакциональных (состояния, отношения и пр.). Эта оппозиция, отображающая реальные, внеязыковые характеристики явлений, обнаруживается и в морфологических, и в конструктивных свойствах соответствующих глаголов.

Категориально-семантическое значение глагола – это и ответ на вопрос *что выражено? о чем говорится?* в предложении: о действии (лица), о состоянии (лица, предмета, среды) и т.п. Этот же критерий естественным образом ложится в основу системной классификации типов предложения [Золотова и др. 1998: 105–108]. Как же проявляются категориально-семантические различия в текстовом функционировании видо-временных форм глаголов?

Обратимся к текстам. Вот в "Евгении Онегине" "волшебница зима"

*Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровнила пухлой пеленою...*

Явление даже олицетворенной зимы представлено рядом типичных перфективов, лишенных временной перспективы, в синхронном восприятии составляющих единую картину.

Позволим себе вольный эксперимент, используя лексику этого фрагмента, допустим: *Пришла с работы, расплакалась, повисла на плече у мужа, легла, уткнувшись в подушку...*

Действия личного субъекта при сходстве лексики и сохранении глагольной морфологии предстают в динамике, последовательно сменяющими друг друга, то есть в аористивных функциях.

Даже в пассивно-причастных формах, при неназванных действующих лицах, результаты личных действий выстраиваются в последовательный ряд:

*Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок (Там же).
В рамках одного стихотворения ("Утро" И. Никитина):
Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш...*

Едва ощутимая динамика наступающего утра передана в монотемпоральной картине имперфективами настоящего времени. Появляются люди – их действия целенаправлены и последовательны:

*Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...*

(перфектив пробуждения, аористив сняли СВ прош. времени и презенсный аористив, включающий их действия в настоящее время наблюдателя).

Нет сомнений, что текстовые функции видо-временных глагольных форм тесно связаны с категориальной семантикой глагольного слова. В зависимости от значения, акционального/неакционального прежде всего, глагол располагает большими или меньшими и грамматическими, и текстовыми возможностями. Эти различия наглядны, например, в полисемических глаголах.

Ср. (1) *Рыбаки идут берегом.* (2) *Дорога идет на юг,*
(3) *Гости спускаются к реке.* (4) *Сад спускается к реке.*

В отличие от акциональных глаголов в примерах (1) и (3), располагающих полной морфологической парадигмой, глаголы в примерах (2) и (4), неакциональные, с пространственно-релятивной семантикой, не имеют парадигмы по лицу, не употребляются в императиве и в деепричастной форме, нетипичны и в сов. виде. Ограниченны и функционально-текстовые потенции неакциональных глаголов. Им свойственна имперфективно-характеризующая функция, тогда как акциональный может употребляться во всех функциях, во всех регистрах.

Набор текстовых возможностей глагола составляет его **функционально-синтаксическую парадигму**.

Приведем примеры глагола движения с личным субъектом в разных функциях из "Евгения Онегина".

Но наконец она вздохнула И встала со скамьи своей;

Пошла... (аористивная функция в репродуктивном регистре);

Идет, на мертвеца похожий. Нет ни одной души в прихожей. (имперфективно-процессуальная функция в репродуктивном регистре);

Недели две ходила сваха К моей родне... (имперфективно-процессуальная функция в информативно-повествовательном регистре);

Она езжала по работам. Солила на зиму грибы... **Ходила** в баню по субботам (имперфективно-характеризующая функция в информативно-описательном регистре);

Она **ушла**. Стоит Евгений, Как будто громом поражен (перфективная функция в репродуктивном регистре);

"Ты ей знаком?" – "Я им сосед". –

"О, так **пойдем же**". (аористивная функция в волюнтивном регистре);

"Однако в поле уж темно; Скорей! **пошел, пошел, Андрюшка!**" (перфективная функция в волюнтивном регистре).

Таким образом, глаголы акциональные, как ядро глагольной части речи, изосемические носители категориального значения действия, обычно располагают полной морфологической парадигмой и самыми активными потенциями функционально-текстовыми.

В связи с задачами классификации глаголов в литературе обсуждался вопрос об иерархии глагольных признаков. В качестве высшего принципа выдвигался критерий переходности/непереходности (А.А. Холодович, А.В. Бондарко, Г.Н. Акимова и др.).

Проверка материалом показала иерархическое превосходство акциональности над переходностью [Золотова 2001: 51]: акциональность/неакциональность различаются и в пределах переходности/непереходности ср.:

Акциональность:

И пошли они солнцем палимы

(Некрасов);

Вижу надписи вдоль по карнизу

(Некрасов);

И выходит удалой Кирибеевич

(Лермонтов);

Вечером папа сказал:

– Ну-ка, **покажи** свой дневник! (Зощенко)

Неакциональность:

Пошли приветы, поздравленья

(Пушкин);

Я тут беды еще не вижу (Пушкин);

Окно выходит в лес (Окуджава);

Лай собак показал, что карета **приехала** в деревню (Л. Толстой).

Академическая Грамматика-80 допускает трактовку понятия 'действие' "в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия 'действие', когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием)" [Русская грамматика 1980: 582]. Тем самым ограничивается возможность дать более объективную и объяснительную информацию о грамматических свойствах глаголов, их подклассов и категорий.

К сожалению, и яркие представители следующего поколения аспектологов идут не от изучения семантико-грамматических свойств глагола, а от прочитанных книг, классификации которых повторяют без проверки, что сразу вынуждает окружать дефиниции оговорками, не спасающими от противоречий [Зализняк А., Шмелев 2000: 35–36, 42–43]. Авторы признают три способа концептуализации всего происходящего в мире: "как состояния, события и процессы".

"С о с т о я н и е – это положение дел, сохраняющееся неизменным на протяжении некоторого отрезка времени: *Машиа любит Петю*... Когда одно состояние сменяется другим, это... – с о б ы т и е". А если *Машиа сегодня любит Петю, а завтра Васю* – это состояние или событие? "П р о ц е с с – это то, что происходит

во времени. Процесс состоит из последовательно сменяющихся фаз и обычно требует энергии для поддержания: *мальчик гуляет, костер горит.... вода кипит*". А к состоянию эти признаки нельзя отнести?

"Ключевое утверждение" состоит в том, что глаголы сов. вида всегда обозначают события. Правда, "могут обозначать события несколько особого рода". В самом деле, *моргнул, кашлянул, вздремнул, даже поспал, поел, подумал, пожевал губами*, – события особого рода. Упомянут, но недооценен существенный признак для различения действия и состояния – контролируемость/неконтролируемость [Булыгина 1982].

В конце главы на примелькавшуюся *тропинку около леса* введена фигура наблюдателя. Языковое чутье авторов требует расширения тропинки: "Вообще говоря, наблюдатель присутствует и в таких предложениях, как *температура повысилась; Он постарел; Она похудела* ...так как все они описывают изменение по сравнению с предыдущим моментом наблюдения". Что же такое "все они" – состояния, события, процессы? Кинематографическую метафору "монтажный стык", отражающую "смену ситуации", можно применить к аористивной функции глагола, но с каким предшествующим кадром смонтировать перфективное сообщение, допустим. *Он поумнел; Рано чувства в нем остыли, Лучи побледнели* и под.?

Можно посочувствовать авторам, которые, приняв из чужих рук готовую концепцию мира, не выработав собственных критериев для опоры в анализе, вынуждены заверять, что фундаментальность концептуальных категорий не допускает их точного определения, что "выбор вида не всегда обусловлен смыслом", а "попытки найти инвариант видового противопоставления обречены на неудачу".

11. Все-таки будем продолжать поиски. Вот еще одна существенная грань проблемы.

В реальном характере самих действий, определившем семантику глаголов, есть еще важное, естественное различие, подводящее к вопросу об истоках видовой оппозиции. Действия и состояния *писать, идти, говорить, пилить, лежать, строить, сидеть, литься, расти, учить, мечтать, слушать, думать, учительствовать, важничать* и т.д. по природе своей протяжены, длительны, соответственно, семантике подобных глаголов внутренне присуща имперфективность.

Действия и состояния *ударить, споткнуться, остановиться, очнуться, уронить, вскочить, мелькнуть, прыгнуть, встать, включить, дернуть, уколоть, махнуть* по природе своей мгновенны, однократны, соответственно, семантика подобных глаголов аористивна, содержит в себе как бы границу сменяемости. Еще А.А. Потебня отмечал "естественную моментальность" глаголов типа *чихнул, толкнул* [Потебня 1977]. Глаголы с перфективной семантикой, как говорилось выше, называют не столько действие, сколько интерпретацию его, оценку говорящим, в той или иной мере ретроспективную: *надоел, осточертело, устал, добился, догнал, исчез, постарел, изолгался, засиделся, набедствовался, втянулся, спился, пощадил, пропал, опоздал, победил, выиграл* и т.п. Обычно перфективные констатации, свидетельствуя наблюдаемый итог, следствие происшедших процессов, изменений, не занимают отдельного отрезка текстового времени:

Тут она, взмахнув крылами, Полетела над волнами, И на берег с высоты опустилась в кусты, Встрепенулась, отряхнулась И царевной обернулась (Пушкин); *Колокольчик вдруг умолк, кони стали* (Пушкин); *Яичко упало и разбилось* (Сказка).

Не случайно имперфективный характер сохраняют девербативы типа *чтение, разговор, ходьба, учение, таяние, лежание, мечтание, слушание, дремота*, аористивный – *удар, прыжок, шаг, кивок, поклон* и под., перфективный – *ошибка, описка, удача, выигрыш, победа, провал, разгром, исчезновение* и под., реализуя соответствующие текстовые функции в таксисных отношениях.

Можно полагать, таким образом, что в корне или основе глагольного слова заложена одна из возможных текстовых функций, соответствующая онтологической природе названного действия/состояния. По ходу речи говорящему необходимо включить обозначения действий, состояний в текстовое время, в таксисные связи. Говорящий использует глагол, либо сохраняя его исходную функционально-семантическую характеристику, либо "преодолеывает" ее, приспосабливая глагол к нужному ему представлению действий в связанном потоке событий. Здесь возникает потребность длительное действие ограничить временными рамками, однократное мультиплицировать, перфективное состояние представить как итеративное и т.д. Все эти операции и осуществляются с помощью могучей морфологической техники "перфективации" и "имперфективации", и фазисных глаголов, и так называемых "способов действия".

Важно при этом, что вся мощь этой техники обычно не в силах побороть первичную, естественную семантику глагола: "перфективация" глагола протяженного действия/состояния ограничит, но не аннулирует его протяженность: *говорил – поговорил, рос – подрос, дремал – задремал, важничает – разважничался, слушает – заслушался* (как в фольклоре: *Течет река – не вытечет, Бежит, бежит – не выбежит*); "имперфективация" глагола однократного действия представит его многократным, но не протяженным: *ударил – ударял, встал – вставал, выключил – выключал, споткнулся – спотыкался*, а перфективный по природе глагол не сделает имперфективно-длительным: *добился – добивался* (каждый раз), *победил – побеждал* (неоднократно), *засиделся – засиживался, исчез – исчезал, опоздал – опаздывал*.

Вопрос о том, однократный глагол типа *споткнуться, прыгнуть* или многократный *спотыкаться, прыгать* первичен, может быть, не так и важен в рассматриваемом аспекте, поскольку в этой паре остается противопоставленность мгновенного действия многократному, тогда как в парах *запеть – петь, дочитать – читать* оба действия длительные, только первое с ограничением этой длительности.

Эффектный прием А.В. Исаченко [Исаченко 1960: 132–133] (ср. [Зализняк А., Шмелев 2000: 32]), сопоставившего для выражения процесса в несов. виде и в сов. виде позиции говорящего – участника первомайской демонстрации и говорящего – наблюдателя с трибуны, не учитывает семантической природы данного процесса – длительного действия, поэтому оказывается практически неэффективным: и для того и для другого говорящего процесс может быть обозначен одними и теми же видовыми способами: *мы идем, проходим мимо трибуны, они идут, проходят, мы, они проходили, прошли* и т.п.

Вот примеры индивидуально-художественного преодоления видовой природы глаголов перфективного состояния ради придания им итеративности (у Гоголя), напряженно-целенаправленной длительности (у М. Цветаевой): *Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе* (Гоголь. Ночь перед Рождеством); *Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выскаливает зубы* (Гоголь. Страшная месья – (оба примера из статьи [Кюльмоя 1983: 61], приведенных там в другой связи); *Так вчувствовывается в кровь... Так влюбливаются в любовь: Впадываются в пропасть...* (М. Цветаева. Так вслушиваются...).

Интересен совет Чехова о том, как формировать читательское восприятие протяженности текстового времени: *...разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают* (Чехов, из письма Л.А. Авиловой, 1892).

"Вид зависит от того, как рассматривается действие" [Мазон 1958: 37]. Подчеркнем здесь слово *рассматривается* и заметим, что из двух возможных субъектов (кем?) "говорящим" (интуитивно) и "исследователем" (аналитически) – второму надлежит следовать за первым.

Эта потребность говорящего в преобразовании исходной видовой семантики глагола в иную, производную "конфигурацию" [Кароляк 1995: 102] и составляет базу видовой оппозиции СВ – НСВ. Подобная идея звучала в литературе (С. Кароляк – активный проводник ее), но как-то не укрепились, не поднявшись до коммуникативно-текстовой проблематики.

Может быть, в соответствии с послезинштейновской методологией (по Барту, см. выше), эта идея и подготавливает "относительную систему отсчета" в исследовании категории вида?

В упомянутом докладе на IV съезде славистов А. Мазон обсуждал и концепцию "естественного" вида, предложенную А. Беличем: по Беличу, "естественный" вид зависел от самого значения глаголов *пасти* (упасть), но *сѣдѣти* (сидеть), и хотя мэтр позволил себе поиронизировать по этому поводу («Так называемый "естественный" вид может объяснить не больше, чем способность ко сну объясняет сон»), заключил тем, что "естественный вид способен вполне соответствовать в большом количестве случаев определенной реальности" и что "концепция достаточно обоснована, по крайней мере, в виде здравых предположений о происхождении вида" [Мазон 1958: 55, 56].

12. Становление видо-временной системы – большая проблема истории русского языка. Она не может решаться без изучения структуры древнерусских текстов, что подтверждают исследования акад. Д.С. Лихачева. В книге "Поэтика древнерусской литературы", анализируя темпоральную организацию фольклорных жанров, Д.С. Лихачев констатирует однонаправленность, сюжетную однолинейность времени в сказке, замкнутость эпического времени в былинах. "Отсутствие забеганий вперед и возвращений назад находятся в фольклоре в связи с отсутствием в нем автора". "Без автора нет возможности смотреть на время действия из какой-то определенной временной точки". "В фольклоре нет временной перспективы, определяемой личностью автора; так же точно как в средневековом искусстве нет пространственной перспективы, определяемой позицией художника-наблюдателя" [Лихачев 1971: 265–266].

М. Бахтин писал об эпическом времени, что "оно отгорожено абсолютной гранью от всех последующих времен, и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели... Временные и ценностные определения здесь слиты в одно неразрывное целое (как они слиты и в древних семантических пластах языка)" [Бахтин 1975: 459].

"Однонаправленность художественного времени" характеризует и древнерусскую литературу. "Летописец не столько рассказчик, сколько протоколист. Летописец рассказывает только о динамике, а не о статике жизни... Повествование следует за событиями, не нарушая их реальной последовательности" [Лихачев 1971: 294, 282, 289]. "Субъективный аспект времени... не был еще открыт в средние века... Время казалось существующим только в его объективной данности... Время для древнерусского автора не было явлением сознания человека" [Там же: 278].

Д.С. Лихачев далее показывает, что с внедрением в летописную сеть исторического повествования "литература одолевала документ". "В связи с усиливающимся стремлением к изобразительности все более совершенствуется художественное время" [Там же: 304, 818]. "Субъективность времени у Аввакума обусловлена появлением индивидуализированной авторской личности" [Там же: 338].

Итак, в приведенных, может быть и пространных, цитатах из трудов специалистов перед нами предстают два процесса – в языке и литературе, – связанных причинно-следственной связью. Потребность рождает, оттачивает средства, средства реализуют и совершенствуют потребность.

История повествовательных форм развивается по мере того, как осознается пишущим его роль в представлении событий, по мере того, как углубляется взаимодействие временных планов T_2 и T_3 . От однолинейной констатации повествовательных фактов в летописях, в фольклорных жанрах литература постепенно движется в направлении все большего усложнения темпоральной структуры текста. Текстовое

пространство становится объемным, все разнообразнее проявляются и соотносятся в нем субъективные точки зрения, перемещается наблюдательный пункт автора, сменяются уровни абстракции.

13. Каково же место говорящего субъекта в сложившейся противопоставленности СВ и НСВ?

Можно полагать, что критерий различия между ними – в направлении взгляда говорящего, рассказчика, перцептора. «"Взгляд" говорящего на действие будем и называть *видом*», – предлагает Ж. Дюрен [Дюрен 2002: 281].

СВ означает, что взгляд говорящего пересекает линию процесса перпендикулярно, фиксируя заставаемое положение дел, исчерпанное ли (*построил, нашел, исчез*), продолжающееся ли (*постарел, подрос*), либо вытесняемое, сменяемое другим действием на той же линии времени (*повернул ключ, открыл дверь, вошел*). В последнем случае, аористивном, "взгляд" можно сравнить с минутной стрелкой, которая фиксирует пересечение круговорота времени черточками на циферблате, как бы не замечая промеху, хотя реально процесс движения и происходит между черточками; ср.: [Степанов 1997: 182]. "Совершенный вид... придает действию характер определенной вехи на оси времени", – писал Ж. Вейренк [Veyrenc 1980: 4]. Выразительное определение нашел Жан Поль Сёмон в своей диссертации: "хронотворное время аориста".

НСВ означает, что говорящий/перцептор на протяжении некоторого времени сопровождает процесс взглядом либо, по слову А.В. Исаченко, "находится как бы в потоке самого процесса" [Исаченко 1960: 133], и в том и в другом случае не отмечая его пределы. НСВ "передает синхронность позиции повествователя" [Успенский 1970: 98]; уточним: повествователь, перцептор синхронен только НСВ процессуальному и наблюдаемому, но не НСВ характеризующему. Временные рамки и таксисные отношения – одновременность, последовательность, прерывистость, повторяемость и др. – выражаются морфемными способами или контекстно (*лежит и молчит; попискивает; пили чай, болтали, сидели допоздна; захаживал, беседовал с дедом*).

"Взгляд" говорящего надо понимать как сенсорное восприятие наблюдаемой ситуации – в репродуктивном регистре ("чувственное время", как пишет Ж. Дюрен), а в ненаблюдаемой ситуации – как охватываемую мыслью ментальную информацию в отношении нелокализованного текстового времени (в информативном) и за его пределами (в генеритивном регистре).

Вряд ли правомерна сформулированная Р.О. Якобсоном оппозиция времени как шифтерной глагольной категории (зависимой от речевой ситуации) виду и таксису как нешифтерным [Якобсон 1972: 101, 104]. Вид и таксис, как и представляемое в речи время, неотделимо связаны с точкой зрения говорящего субъекта и конструируемой им ситуацией речи.

14. Из сказанного вытекает неизбежность пересмотра и уточнений принятых определений вида. Аспектологическое знание пробивается сквозь слои формулировок, уважительно переписываемых из предшествующих работ. Из-за того, что значение многих слов, пришедших из вторых-третьих рук, не определено точно, дефиниции оказываются противоречивыми и недостаточно информативными.

Вот одна из формулировок, подытоживавших полувековой аспектологический опыт такого значительного специалиста как Ю.С. Маслов: «В отличие от категории глагольного времени, вид связан не с дейктической темпоральной локализацией действия, а с его внутренней "темпоральной структурой", с тем, как она интерпретируется говорящим» [ЛЭС 1990: 83].

Теперь уже трудно согласиться с тем, что и вид, и время целесообразно определять через дейктическую темпоральную локализацию действия. Надеюсь, удалось показать, что видо-временные функции глагола в тексте ориентированы на иные точки отсчета, чем время морфологической парадигмы, и выбор видо-временных форм зависит от потребностей говорящего организовать текстовое время.

Верно найдены слова об интерпретации говорящим (они встречаются у А.В. Бондарко, Б. Комри, И.Б. Шатуновского и др.) – но *чего?* Что такое «внутренняя "темпоральная структура" действия»? Внутренняя по отношению к чему? Противопоставление понятий внутреннее/внешнее используется аспектологами нередко. Но, оказывается, употребляются эти термины разными авторами в противоположном смысле. Обнаружились две тенденции, которые нуждаются в домысливании.

Приведенная формулировка из ЛЭС построена на противоположении времени, дейктической локализации с одной стороны, – и вида, внутренней темпоральной структуры действия, с другой. Значит ли это, что внутреннее – недейктическое, то есть не речевая ситуация, а сама речь и текст? Или морфемная организация глагола СВ и НСВ?

В ином смысле прочитывается тот же термин в определении **Аспектных модификаций** у В. Матезиуса: "...при переходе из класса в класс изменяется только внешний аспект соответствующих значений, а их общая основа остается неизменной"; цит. по [Вахек 1964: 38].

Если принять во внимание, что латинское *aspectus* и означало 'внешний вид, облик' (с этой этимологической справки начинается и статья Ю.С. Маслова **Аспектология** в ЛЭС [ЛЭС 1990: 47]), можно думать, что больше оснований считать в н у т р е н н е й , о б щ е й о с н о в о й глаголов семантику акциональности/неакциональности и ментальности/длительности, не изменяющуюся при видовых преобразованиях, при переходе из одного вида в другой, а в н е ш н и м – то видовое облачение, которое придает им интерпретация говорящего в интересах его текста.

Так или иначе, двусмысленность термина мешает ему участвовать в выяснении сущности такого непростого явления, как вид. Столь же неоднозначно и понятие изменение характера действия, которое используется как ключевое во многих аспектологических и словарных определениях вида.

Выше (п. 10) показано, что именно изначальный х а р а к т е р действия, отражающий объективную реальность, заданную самой природой, остается неизменным, приспособляя свое видовое аффиксально-морфологическое оформление к потребностям данного текста. Языковое сознание фиксирует в речи не изменение этого характера действия, но характер восприятия, представления действия.

Вот еще примеры: *Гуси-лебеди полетали – полетали, покричали – покричали и ни с чем улетели к Бабе Яге* (Сказка). Приставка **по-** "ограничительного способа действия", действительно, ограничивает протяженность действия во времени, но, переводя глагол в СВ, не меняет ни "способа действия", ни длительного характера действия, еще и подчеркиваемого повтором; *Он снял шлем, потер висок, подумал, глядя в стекло, и вдруг яростно ударил шлем оземь...* (Булгаков). И здесь приставка **по-**, не меняя характера длительного действия, отмечает лишь его начальную границу, устанавливая таксисную последовательность.

"Таким образом, мы видим различие мнений там, где велика доля словесных заблуждений" [Мазон 1958: 42].

Как возможное, предложим следующее определение **вида**: вид – это грамматическая категория, выражающая способ, которым говорящий передает свое одномоментное либо длительное восприятие предикативного признака или обобщенное знание о нем, включая его в таксисные отношения порождаемого текста. Не случайно русский термин "вид" – корень глагола *видеть*.

Различая семантику глагола и ее видовую интерпретацию, можно утверждать, что составляющими глагольного вида служат семантика глагола как объективная база (з н а ч е н и е) и авторская, субъективная интерпретация процесса средствами СВ или НСВ в интересах данного высказывания (ф у н к ц и я).

Что касается ф о р м ы, то известен набор словоизменительных и словообразовательных средств выражения значений времени и вида. Но обнаружено много случаев, свидетельствующих о нежесткой привязанности глагольных функций к определенным

морфологическим средствам. Таким образом, время и вид несводимы к морфологическим категориям глагола. Это категории предиката и текстовой структуры.

Один из первопроходцев текстовой проблематики Б.М. Гаспаров еще в 1979 году высказывал надежду, "что обнаружение лингвистических закономерностей построения текста окажет влияние на изучение грамматических категорий" [Гаспаров Б. 1979: 112].

Хотелось бы думать, что изложенная концепция представляет некоторые шаги в ожидаемом направлении.

Изучение категорий вида и времени в их естественном функционировании – как организаторов текста – открывает

- а) возможности дальнейшего обсуждения дискуссионных вопросов об их природе;
- б) возможности перспективных поисков лингвистических решений – с опорой на критерий взаимообусловленности формы, значения и функции;
- в) возможности углубления представлений общегуманитарных – о характере отношений в системе человек – язык – познание мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. и др. 1997 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Аспектуальные и темпоральные значения... 1983 – Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
- Барт Р. 1989 – Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бахтин М.М. 1975 – Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Богуславский А. 1963 – Перфектные глаголы в русском языке // Slavia. Roč. XXXII. Praha, 1963.
- Бондарко А.В. 1980 – Глагол // Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вахек Й. 1964 – Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
- Виноградов В.В. 1936 – Стиль "Пиковой дамы" // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М; Л., 1936.
- Виноградов В.В. 1941 – Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В.В. 1947 – Русский язык. Грамматическое учение о слове. М; Л., 1947.
- Виноградов В.В. 1980 (1930) – О художественной прозе // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Гаспаров Б.М. 1979 – О некоторых функциях видовых форм в повествовательном тексте // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 482, 1979.
- Гаспаров М.Л. 1994 – "Письмо о судьбе" Александра Ромма // Понятие судьбы. М., 1994.
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Дюрен Жан. 2002 – О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
- Зализняк А.А. 1987 – Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. 2000 – Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Золотова Г.А. 1973 – Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
- Золотова Г.А. 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. (Изд. 2-е. М., 2001.)
- Золотова Г.А. 1995 – Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // ВЯ. 1995. № 2.
- Золотова Г.А. и др. 1998 – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Золотова Г.А. 2001 – К вопросу о таксисе // Исследования по языкознанию. СПб., 2001.

- Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Кароляк С. 1995 – Понятийная и видовая структура глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.
- Кульмоя И.П. 1983 – О понятии кратнo-соотносительных конструкций и их признаках // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 651. 1983.
- Лихачев Д.С. 1971 – Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мазон А. 1958 – Вид в славянских языках (принципы и проблемы) // Доклад IV МСС. М., 1958.
- Маслов Ю.С. 1984 – Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Словарь Ожегова 1992 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Падучева Е.В. 1995 – Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1995.
- Поспелов Н.С. 1990 – Мысли о русской грамматике. М., 1990.
- Потебня А.А. 1977 – Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. II. М., 1977.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Семантика славянского вида 1995 – Семантика и структура славянского вида. Т. I /Отв. ред. С. Кароляк. Kraków, 1995.
- Степанов Ю.С. 1997 – Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Телин Н. 1988 – О системном статусе перфектного значения в функциональной грамматике // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Типология вида 1998 – Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Трубачев О.Н. 1976 – Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев О.Н. 1998 – Славянская филология и сравнительность, От съезда к съезду // ВЯ. 1998. № 3.
- Успенский Б.А. 1970 – Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
- Щерба Л.В. 1974 – О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Якобсон Р.О. 1972 – Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Jensen P.A. 1990 – Narrative description or descriptive narration: Problems of aspectuality in Čechov // Verbal aspect in discourse / N.B. Thelin (ed). Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Mańczak W. 1970 – Z zagadnień językoznawstwa ogólnego. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970.
- Thelin N.B. 1990 – Verbal aspect in discours: On the state of the art // Verbal aspect in discourse / N.B. Thelin (ed.) Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Thelin Nils B. 2002 – A- and B-series, tensed vs. tenseless theories and the causality-time interdependence // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
- Veyrenc J. 1980 – Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.